

Сборник рассказов

Книжка
Анонимного
Детства!

Дарина Долен

2024

Дарина Долен

Клуб Анонимного Детства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70627069

SelfPub; 2024

Аннотация

В сборнике представлены рассказы, стихи и сценки в разных жанрах. Произведения посвящены современным реалиям человеческой жизни, Санкт-Петербургу, памяти девяностых годов и святому времени детства.

Содержание

Клуб анонимного детства	4
Поле	26
Машенька (Петров батог)	27
Утро в России	40
Раздери меня воробей!	43
А на том берегу Невы	51
Что чудо для одного – тайна для другого	53

Дарина Долен

Клуб Анонимного Детства

Клуб анонимного детства

Сценка

Только представьте: вы в театре. Он не большой и не маленький. Уютный. Перед вами совершенно темное пространство.

Вместо сцены – пустота. Ни звука. Сторона зрителя освещена мягким теплым светом. Вы можете рассмотреть людей вокруг и красивое убранство зала – позолоту, лепнину. Огромная люстра на потолке мерцает, словно тысячи росинок на рассвете. Вы чувствуете запах старинного, благородного дерева. Переливаются бархатные тяжелые шторы, закрывшие наглухо окна. Под рассеянным светом ткань расплескалась всеми оттенками красного: от темного богемного бордо до кричаще открытого светлого кадмия.

Пока не началось действие, вы подмечаете, как дышит зал. Кто-то снимает все на телефон, кто-то дергается, потому что платье, заказанное через интернет, оказалось сшито из полиэстера, и от него зудит кожа, словно по ней прошлись наждачной бумагой. Кто-то приобрел в гардеробе монокль и крутит его в руках без конца, поднося агрегат к глазам и сно-

ва опуская ниже, пытаясь что-либо разглядеть в загадочной темноте сцены. Кто-то принял на грудь задолго до начала и теперь мирно сползает с кресла.

Вы тихо переговариваетесь с подругой или мамой и не замечаете, что занавес уже подняли и свет остался лишь в зрительном зале. Вы не знаете, что действие... уже началось.

Лишь спустя какое-то время вы начинаете слышать шаги в темноте, они разные: тяжелые и легкие, быстрые и медленные, глухой звук от офисной подошвы и звонкий – от высокоченных лаковых шпилек. Кажется, эти туфли красные. Вы слышите стук, скрежет. Кто-то тяжело дышит и что-то тащит.

Один за другим зрители устремляют взгляды на сцену, гул стихает, уступая место плотному молчанию. Только шаги. Много их? Мало? Куда идут эти люди?

Вы не заметили, что свет в зале сделался еще тусклее, потом еще, но все еще не исчез совсем.

Жизнь складывается у людей по-разному. Как ни крути, когда мы выходим из учебных учреждений, то все достаем большую ложку и начинаем пробовать реальную жизнь. Та самая определенность, которая была в садике, школе, институте или колледже, заканчивается. И вот уже отличник сидит в офисе, а пустомеля с задней парты – открывает бизнес. Или, наоборот, тут уж как сложится. Девочки выходят за-

муж, выют гнезда, разбивают сердца и идут дальше, сражаясь с рутинными буднями. Или совершают подвиги и открывают собственное дело: салоны красоты или блоги в социальных сетях.

По сути, все мы не так много знаем о будущем. Нам кажется, что будет одно, а выходит другое. Если вспомнить: как отчаянно мы хотели повзрослеть! Все самое интересное, казалось, ждет нас впереди. Поскорее бы накрасить губы или купить вместо игрушечной машинки настоящую. Выйти из дома и гулять до утра, целоваться, покупать самую неправильную и от этого вкусную еду, а не надоевшие щи. Модные джинсы, новая приставка, большая собака. И, конечно, мы все станем настолько успешны, что те, кто нас задирали или не оценил, обзавидуются и удавятся. Нас не коснутся ни ипотека, ни послеродовая депрессия, ни лишний вес, ни отсутствие смыслов. Или это все будет потом.

Но это «потом» наступает быстро, и фраза «вырастешь – поймешь» бьет по нашим мечтаниям сразу после первой оплаты коммуналки или выплаты по ипотеке. А может, после счета за молочные зубы у любимых детей или приобретенной грыжи. Поэтому взрослые люди часто, несмотря на всю свою занятость, снова встречаются в одном месте: снова в детстве.

В большой комнате без мебели собрались люди. Постарше и помладше, в разной одежде, в разных ботинках. У кого-то проступила седина, кто-то недавно вырвал зуб, кто-то сме-

нил третье место работы за полгода. Кто-то развелся, кто-то женился, кто-то остался полупьяным после недельного запоя. В темноте все были равны. Гости сели в круг на самые простые стулья. В полумраке остались заметны лишь очертания фигур с сутулыми, усталыми плечами.

Ведущего не было, как и четких указаний. Единственное, что нужно было сделать – это выключить все телефоны. Не поставить на беззвучный режим, а именно отключить. Еще одно условие: никто не должен был называть ни своих имен, ни профессий.

Как только все расселись, свет погас. Совсем. Казалось, что наступила ночь, самый темный час. Пространство погрузилось в молчание, оставались слышны только шорохи одежды и дыхание соседа. У кого-то тряслась нога. Сколько времени прошло в тишине, никто не знал.

Сначала было очень темно.

– В моем к... – человек запнулся. Но потом продолжил. – В моем краю зима длинная была, – молчание нарушил негромкий, слегка хриплый мужской голос, он первый занял пространство не только в комнате, но и в ушах слушающих. – Долгая... Деревянный дом от инея казался белым. Никаких особенных увеселений у нас не было, только теплая печка и ледяная горка. Заливали мы ее сами. Дом был построен в небольшом овражке, мы склон водой из ведер зальем – вот тебе и горка, знай себе по этому склону катались, кто как кувыркался. И, естественно, в конце пути был естественный

тормоз – стена. Как мы ноги там себе не переломали – к Богу вопрос, склон хоть и короткий, но крутой был, – мужчина тихо хмыкнул и затих, в комнате снова повисла тишина. Шуршала одежда.

– А в нашей деревне забава была – кидать камнями в коровьи лепехи! – из темноты послышался голос помоложе. – Мы называли их минами, и самое главное было – найти достойную мину! Не все подходили. – Одобрительные смешки. – Они-то везде были: и у дома, где коровы проходили, и в поле, где они паслись. Но лепеха должна быть большой! Круглой и с подсохшей слегка корочкой.

– У вас, как я понимаю, был основательный подход? – раздался голос молодой женщины. Стало понятно, что она улыбается, для этого не нужен был свет.

– Конечно! От этого зависел успех всей операции. Так вот, берешь камень среднего размера и с размаху кидаешь в лепеху! Только кидать нужно аккуратно, чуть сбоку, – парень растягивал слова и говорил с выражением мастера-стратега, – только тогда все содержимое улетает в бедолаг, которые оказывались по другую сторону от лепехи! Но бывали и осечки, конечно. Тогда мина разлеталась во все стороны и место взрыва окутывал незабываемый запах! В отличие от мин другого происхождения, коровья имела аромат скошенной травы!

Раздались негромкие аплодисменты.

– Да вы поэт!

В дальнем углу комнаты теплым светом загорелась лампочка. Во мраке она казалась размытым и сказочным отблеском далекой звезды.

– А у нас был личный диснейленд. Мы прыгали в сено с перекладыны под крышей амбара. И техника у нас была необычная – с раскруткой: закрутишься, раскрутишься и летишь. Один мальчонка так без зубов правда остался. Еще мы соседнего мужика дразнили, он чудило был, с ружьем. Мы его и других мужиков у пивнушки караулили, чтоб бутылки попросить и сдать потом. Если в городе были, надевали роликовые коньки и цеплялись за едущую машину – рискованное дело! Если не удержишься, то колени в мясо разобьешь и подзатыльник от матери получишь. Еще тупее было попасться водителю, хоть на сломанных ногах, но изволь удрать! Выпрыгивали в жару под поливальные машины, чтобы нас окатило. Следили за старшими сестрами, а у кого братья были – за братьями, читали личные дневники и любовные записки. Воровали недокуренные бычки из пепельницы и раскуривали. Подкармливали кошек, собак и бомжей, которые ошивались во дворе. Воевали против девчонок: строили в кустах штабы особого стратегического назначения, выискивали, где они в кукол играют и супы из травы варят. Особенно нравилось втихаря туда пробраться и подложить... Ну, мину, про которую раньше разговор шел, только мы любые мины использовали!

– Так вот, кто это был!

Смешки. Загорелась еще одна лампочка.

Женский молодой голос.

– В городе у бабушки, на соседней улице, располагавшейся ближе к железной дороге, строили частные дома. Были куплены и несколько старых, заброшенных участков, стройка длилась несколько лет. Под дикими и садовыми яблонями долго лежали большие бетонные блоки. Мы любили приезжать туда летом на великах, забирались на блоки и сидели. Много ли нужно в детстве, чтобы почувствовать себя на высоте. – Негромкие смешки, незаметно для себя люди кивали на сцене и в зрительном зале. – Мы собирали яблоки, распикивали их по карманам. Они даже не созрели еще толком, но разве это было важно?

– Сколько зеленой клубники с грядок было пожевано! – прозвучал голос и стих.

– И я о том же, – женский голос продолжил. – Мы жевали эти кислые яблоки, протирая их рукавами. Что было грязнее – даже не скажу! Еще мы встречали закат. Я помню эти мгновения, как сейчас. Вид простирался, казалось, по всем сторонам, солнце красиво заигрывало с листвой и роняло на воду небольшой речушки тяжелые золотые блики. Оно садилось и уводило день за собой, словно за руку.

Небольшая пауза. Голос продолжил.

– Каждое лето мы играли с деревенскими кошками. Купались в одежде. У нас были свои особые задания, например пересечь большую реку по плитам от старой разбитой пло-

тины. Если шел дождь, то капли были крупными, тяжелыми, не то что в городе. Мы оставались на реке и становилось непонятно, где больше воды: в реке или в небе.

На этих словах голос затих. В темноте робко появился блеск света, стали проявляться силуэты. Глаза гостей привыкли к полумраку. Казалось, где-то за невидимым окном пошел проливной дождь. Кто-то из гостей вспомнил растопленную вечером деревенскую печку. Но не рассказал об этом.

– Много лазили по деревьям, строили на ветках шалаши, даже старые коврики умудрялись туда таскать, чтобы создать уют. Жгли пенопласт и покрышки, плавали по лужам на деревянной двери, которую стащили с помойки. В то время дожди летом бывали такие, что ливневка не справлялась и весь двор топило. Зимой рыли в снегу пещеры с коридорами и комнатами, представляли, что это замок. Играли в «Земельки»: чертили на земле большой круг и делили его на несколько секторов, в зависимости от числа участников. Дальше по очереди кидали ножик, если он втыкался в территорию противника, то нужно было провести линию и забрать часть «вражеской земли». Выигрывал тот, кто захватывал весь круг. Еще любили крутить в руках зажигалки, как современные дети крутят спиннер, или с силой бросали их об асфальт, чтобы они взрывались. Насаживали разного цвета пластмассовые крышки от газировки на веревки, проделав в них дырку горячим гвоздем. Туда же крепили оставшиеся

от крышки кольца с вывернутыми шипами и представляли, что это модная игрушка йо-йо. Фишки еще были с покемонами – за них дрались и почти продавали души. А еще нужно было очень аккуратно заходить в чужой двор. В то время через дорогу перейти – как в другой город попасть. Там свои блатные были.

– Это да...

– Бывало такое.

– А мы зимой под качелями ямку рыли и в нее ложились, как в окоп. Качели здоровые были, туда-сюда катались, а твое лицо оказывалось в паре сантиметров от железной, проносимой на скорости трубы. Незабываемое ощущение.

– Ха-ха-ха, у нас тоже во дворе такие качели стояли, но мы ничего не рыли, просто ложились под них и зимой, и летом. Друзья с радостью их раскачивали, а ты лежи, и не дай бог голову поднять. Я пару раз поднял, не удержался. Искры из глаз – это мягко сказано.

– Хорошо, что хоть без последствий!

– Ну, это как посмотреть...

– Еще были «блеводроны». Боже, этот корабль был только для самых отважных.

– Это точно!

– Вот тебе и вестибулярный аппарат.

– У меня до сих пор голова кружится!

Смех. Лампочка.

Кто-то расслабил плечи, кто-то сел ровнее, нога прекра-

тила дергаться. Постепенно добавлялось освещение, людей стало видно чуть лучше. У кого-то блестели волосы, у кого-то глаза, кто-то закинул голову и смотрел в потолок, скрестив руки на груди. Кто-то снял надоевшие туфли, шпилька с обидой и облегчением звякнула об пол. За ней последовали скрипучие ботинки, китайские кроссовки. Слетело несколько пиджаков, распустились волосы. Впервые за очень долгое время наушники вынулись из ушей не потому, что надо, а потому, что хочется.

Глубокий вдох и выдох.

Непонятно откуда – но вроде бы слева – послышалась тихая возня. Кто-то активно решал, кому именно стоит первому начать рассказ.

– Давай ты.

– Нет, ты.

– Ты же нас сюда притащила!

– Ах ты...

Возня. Несмотря на важность вопроса, кто же будет первым, голоса не были злобными или настороженными. Скорее, смущенными и смешливыми. Многим подумалось, что это молодая пара, что они уже давно вместе. Что они держатся за руки. Возможно, они недавно приехали в Питер, возможно, их уже штрафовала ГАИ, возможно, их с нетерпением ждет дома маленький пес. Но кто знает...

Первым послышался голос молодой девушки. Она улыбалась, это было понятно. В темноте слух обостряется.

– Когда я была маленькой, то просила у родителей подарить мне живую собаку на любой праздник, будь то Новый год или день рождения. Но мне всегда почему-то дарили игрушечную. Я очень расстраивалась – сравнили тоже! Но нужно было жить дальше, несмотря на смертельное разочарование. И вот однажды летом мы с ребятами гуляли в моем любимом городе Порхове по улице. Там рос очень красивый, большой и ароматный куст сирени. Мы всегда искали там цветы с пятью лепестками, клали их в рот, жевали и загадывали желание. В тот раз я долго копалась и даже отчаялась, как на глаза попался семилистник! Не могу передать, что чувствовала! Я смотрела на этот маленький цветочек в упор, и у меня тряслись коленки. Не сказав никому ни слова, я сорвала его, положила в рот и, смакуя, снова загадала получить собаку! Все мои мысли были о ней. Чего же еще желать! Через пятнадцать минут мы с друзьями все еще топтались у сирени, разыскивая сокровища. К нам подошел мой отчим и сказал: «Едем забирать щенка». Моему счастью не было предела! Так в нашей семье появилась собака – Рей. Сейчас, когда я стала взрослее и когда мне бывает грустно, я ловлю себя на мысли, что ищу куст сирени, а когда нахожу, мне становится легче.

Девочке немного похлопали.

– Ну, давай, теперь ты, – слышался шепот.

Парень выдохнул и приступил.

– Меня никогда не били родители. Но однажды, в прекрас-

ный солнечный день, у себя дома в Великих Луках я сотворил ужасную пакость. Правда, я уже не помню какую. Мне было всего четыре года. Конечно, родители быстро обо всем узнали. Папа стал ругаться и взял ремень, а я, сообразив, что мне пришел конец, наутек понесся в родительскую комнату и хотел спрятаться под кровать. Надежный, казалось бы, был план. – Одобрительные смешки. – Но у меня не вышло. Понимаете, моя попа осталась снаружи. Головой-то я влез, а дальше – застрял! Родители пришли вершить надо мной страшный суд, а я в такой позе. Ни туда, ни сюда! Неудобно. Они меня пожалели, не стали пороть и потом, когда происходило разное, даже не пытались. Видимо, решили, что оно того не стоит и мало ли где я еще могу застрять в таком вот положении. Не бойтесь порки и помните про сирень!

В темноте раздался негромкий теплый смех, зажглись лампочки. Возможно, молодые люди еще крепче стали держаться за руки.

– Мы осенью собирали во дворе огромную кучу листьев и прыгали в нее с качелей. Бесили дворников, но они с пониманием относились. Еще ходили по трубам, и там была колючая проволока и стекловата. Однажды подруга поскользнулась и упала ногами прямо на проволоку. Ноги были в сандалиях. Мы ее еле вытащили, ко всему ужасу там было достаточно высоко, хорошо, что нас было много. От собак не бегали, кормили их и любили, кто мог уговорить родителей, забирал мохнатого друга домой. Отмывали и гуляли потом

с бобиком. Помню, мой брат в детстве плавал на поддонах в строительной яме. Они с мальчишками петарды все время взрывали: напихают в пластмассовую бутылку и типа бомба. Еще помню, как мужик из окна с пятого этажа упал, пьяный был.

Помолчали. Из самого отдаленного угла, как казалось, в темноте-то не видать, послышался продолжительный выдох. Кто-то хотел сказать о наблевшем. Такое ощущение повисло в воздухе и держалось до первого звука. Человек сидел ближе всех к выходу, он не хотел произносить слова.

– Мое детство почти ничем не отличалось от вашего: горки, зима, коробки, кроме одной детали, одного человека. Она сильнее всего врезалась в память, ни до, ни после такого не было. Все остальное размыто. Мы росли вместе: один двор, одна улица. Потом учились в институте, я поступил на психологический факультет, она – на педагогический. Тусили вместе, отношения как-то закрутились сами собой, я не скрывал симпатии, но и не действовал. Честно признаться, в рассказни о всеобъемлющей любви я не верил. А вот в расстройство личности – да, тем более что я их видел и изучал. Все случилось внезапно, словно вспышка на солнце. Нас обоих замкнуло. Это было тяжело, как зависимость, не романтика по большому счету, а именно мучения. Чем ближе мы становились, тем было больнее, а мы провалились друг в друга. Потом качели, угрозы, безумие. Я лежал в больнице, пил таблетки, она тоже лечилась от срывов. Алкоголь, моло-

дость... Все это привело к взрыву. Я понимал, что не выдержу, что еще раз – и меня точно посадят в психушку надолго, что вся моя учебная деятельность будет разрушена, и я просто уехал. Собрал одну сумку, взял рабочий ноутбук и уехал. И вот спустя несколько лет вернулся. Вы когда-нибудь встречались с тем самым человеком через какое-то время? Возможно, на улице, возможно, в компании. В голове проносятся звуки, в кончиках пальцев пульсирует сердце, на языке появляется тот самый привкус. Но это уже совсем незнакомый человек. Забавно, как может вся жизнь уложиться в одно имя – имя этого чужого человека. А ведь были просто дети. У Булгакова есть рассказ «Морфий», там записи из дневника молодого врача про тяжелую, развивающуюся зависимость. Но началось все так же: с человека и желания о нем забыть.

– Вы доктор?

– Я был доктором. Сейчас, слава богу, я лишь голос в темноте.

Обладатель голоса встал со стула, шелестнул верхней одеждой и тихо пошел прочь.

– Мы все здесь лишь голоса в темноте, – сказал кто-то и запнулся. – В конце концов, вам как доктору это должно быть известно лучше всех здесь присутствующих. Мы... – Человек брал высокие ноты, потом останавливался и снова продолжал свою речь. Он говорил всем и каждому, и тем, кто сидел на сцене, и тем, кто находился в зрительном зале. –

В утробе матери мы все находимся в темноте, и я уверен – слышим голос, который со временем станет самым любимым и родным. Все начинается там, где нет света. Во вселенной темно, но там полно жизни, которую мы и представить себе не можем, главное – не остаться во мраке навсегда, а переродиться. Мы все выйдем из этой комнаты, а вы не оставайтесь слишком надолго со своим горем, – обратился он к уходящему доктору. – Вам стоит простить себя.

Шаги на мгновение остановились. Кажется, кто-то услышал «я постараюсь», но это не точно. Кто разберет в темноте.

Помолчали немного.

– А меня бабушка на рынок ранним утром за сметаной посылала. Рынок тогда деревянный был, уличный, посреди поселка стоял, все там друг друга знали. А сметану или молоко разливали из огромных бидонов ковшиком с длинной ручкой. Яйца куриные, рыба, выловленная пару часов назад. Ягоды сезонные, грибы, мед, у кого что с огорода. Рукоделие всякое и выпечка. Все на рынке было. Нравилось мне туда ходить, хоть и осы там летали. Главной ценностью тогда у бабушки были банки. Стеклянные банки и крышки от них – не железные, а резиновые, что ли. За эти банки тряслись, а я что-то забылся: пошел, как обычно, яйца взял, и банку сметаны мне налили. Иду себе и вижу: вдалеке девчонки на качелях качаются. Я решил повыеживаться и давай эту банку, полную сметаны, подкидывать и ловить одной рукой. Приноровился, чем ближе к ним, тем выше банку подкидываю. И

вот мимо них с таким длинным вздернутым носом прохожу, аж сам себе рад! Одним глазом на соседскую девчонку посмотрел, отвлекся, и банка пролетела в миллиметре от руки. Разбилась вдребезги! Девчонки хохотали, им тоже за банки доставалось. А я еще выше нос задрал, рукой на эту банку с медленно растекающейся сметаной махнул и дальше пошел, типа ничего и не было. А у самого сердце в пятках, сопля на плече! Получу, думаю, сегодня. И получил, конечно. Но бабушка новую банку дала, я снова пошел на рынок и на этот раз не паясничал.

– До сих пор этих банок боюсь.

– У меня стоит парочка дома с квашеной капустой. Сама закатывала. Морковки только на этот раз добавила и сахара побольше.

– Я помню... Помню день, когда впервые увидела снегиря. Я росла в городе, и мы были повернуты на мобильных телефонах, все время о них судачили в школе. Нам казалось, что будущее наступило. В тот день я тайком взяла в школу мамин новенький сименс А52 и тревожная шла домой – с мыслью о скорой расправе за содеянное. А у моей парадной самой обычной панельной пятиэтажки на рябине сидел краснопузый снегирь! Я смотрела на него, затаив дыхание, все вокруг, включая телефон, все тревоги и терзания просто исчезли. Ничто не шло в сравнение с той радостью, которую я испытала. Мое сердце трепетало. Я, перевозбужденная таким открытием, пролетела все три этажа вверх по лестнице,

плюнув на лифт, забежала домой и с самыми яркими эмоциями стала рассказывать про птицу! Мама возразила, что такого не может быть и я себе все напридумывала. Что такие птицы водятся только в лесу. Я расстроилась, но я видела то, что видела! Конечно, в детстве ты не понимаешь, что не все могут визуализировать слова, проносить сквозь буквы целые картины, пейзажи. Не всем дано почувствовать через рассказ красоту момента. Но у меня осталась моя тайна – я видела снегиря. Кстати, за телефон меня не ругали, у мамы и папы были гости. Они выпивали и им, по большому счету, было не до меня. Еще в тот день тетя Люда привезла кассету с фильмом «Титаник». Я до сих пор не могу смотреть фильмы с водой, льдом и кораблями. «Пираты Карибского моря» прошли мимо меня!

– И у меня был сименс А52! Черненький!

– А у меня была нокиа 3310, мы называли этот телефон кирпичом. Сейчас, когда я купил новую модель айфона, все чаще вспоминаю этот кирпич.

– Так она в сравнении с сименсом и была кирпичом!

– У меня тоже была нокиа.

– И у меня.

Еще немного погудели про телефоны, зажглась новая лампочка.

– Мое детство проходило в сибирской деревне. Так уж случилось, что мама ушла от папы, и мы уехали жить к бабушке. У нее на тот момент уже другой дед был, не мой род-

ной, но там все почему-то близкими становились, не цапались по пустякам. Жили и жили. Конечно, у нас свое хозяйство было: коровы, козы, кролики, гуси. Зимой воду и себе, и коровам таскал, хлев чистил, дрова пилил «двуручкой» – пила такая была ручная. – Послышалось несколько одобрительных поддакиваний. – Зимой, как и все, с горки катались, только у нас особый шик был – тонкие металлические листы. Берлоги тоже рыли. Еще меня дядя таскал с собой на подледную рыбалку, и я обожал это дело, у меня даже клевало лучше, чем у самого дядьки! Возвращались с озера под утро: ни много ни мало – три-четыре километра идти, а сумки полные рыбы! Окунь, щука, сорожка, ее еще плотвой кличут, ротан. Мама дома рыбу чистила, я помогал, потом жарили. Пальчики оближешь! Я, кстати, в Питере приноровился на корюшку ходить. Конечно, в магазине уже не то. Еще к нам в деревню специальный москвич приезжал – магазин на колесах, каждый раз праздник был! А у нас-то в кармане дыра только, а не деньги, но нам и посмотреть просто было в радость. Хотя я сейчас понимаю, что привозили все самое необходимое: булку, сдобу всякую, масло, молоко, конфетки.

Мужчина замолчал ненадолго и продолжил:

– Летом у нас еще больше забот было: огород поливать и пропалывать, картошку сажать и окучивать, колорадского жука собирать и морить. Сено нужно было косить, коров с телятами пасти, воду принести, дрова заготовить, родным подсобить во всем. На реку и гору сходить, с мальчишками

палками подраться. Дед частокол учил делать, мама показывала, как носки штопать, я с удовольствием наблюдал, как бабушка тесто месила, а из него потом пироги получались. Любил смотреть на закат в конце дня: окно мое выходило в поле, и я видел, как меняются краски, как затихают птицы, всякие насекомые перестают стрекотать. Я любил топить печь и всматриваться в живой огонь. Любил идти куда-то, неведомо куда, и возвращаться в теплый дом. Бывало, промокнем с парнями под дождем, напрыгаемся по лужам, извозимся в грязи и бежим по домам. Там чай горячий с малиной, а если и затрещину дадут – нестрашно. Это я сейчас различаю, где затрещина с добрыми чувствами, а где – от малодушия и злобы. Тогда, в детстве, мне все по любви было.

Загорались лампочки, улыбались люди. Зал со зрителями становился все темнее.

– Я в городе росла, в садик ходила. Помню, вместо качелей там были шины. Мы не были богаты: папа военный, мама домохозяйка. Недавно приезжала к ним и залезла в альбом с фотографиями. Забавно, я совсем забыла, что в детстве больше всего на свете любила прыгать на батуте! У меня куча фоток с батутов! Есть фото из Москвы и из Великого Новгорода, где жили бабушка с дедушкой. Меня возили на аттракционы нечасто, но родители очень старались меня порадовать. А когда ехать было некогда или не хватало денег – я отправлялась во двор, где было сокровище – пружинный каркас от кровати. Я забиралась на него и прыгала от души!

А если еще и дождик пройдет и лужи появятся, то вообще никаких аттракционов не нужно!

– Мы, помню, на капоте от машины с большой горы катились или на картонке – не было тогда «ватрушек». Видел как-то раз парни с помойки холодильник притащили и на нем летели. Доширак грызли, даже не заваривали. Большой радостью было наскрести денег на растворимое пюре зимой. Кто-нибудь домой шел, вскипевший чайник выносил, мы воду по стаканчикам разливали. «Крошка Картошка» с жареным луком! На морозе – что за благодать! Ложка, правда, иногда одна на всех была, тоже из дома брали. Но это неважно было, тогда ни слюней, ни соплей не боялись. Мастерили из разных палок и обрезков ружья, играли в «Брата» – изображали героев известного фильма, жевали смолу на стройке, добывали березовый сок и пили его вперемешку с муравьями. Шлялись где ни попадя, огребали от старших мальчишек, бегали от охраны, пищали от восторга, если за баранку москвича пускали.

– А я делала кукол из одуванчиков, завивала им волосы. Очень люблю одуванчики! Только черные пятна оставались, которые не отстирать от одежды. Еще сериал «Дикий ангел» по пузатому телевизору показывали. И на речку ходила в соломенной шляпе.

– А у нас особенный рацион был. Росли ли у вас бананы на кустах? Это сейчас я знаю, что это растение зовется акацией, у нее сладкие желтые цветочки, а потом они пре-

вращаются в тонкие стручки гороха. Из стручков мы делали свистульки, а цветочки любили жевать. Особенно вкусными они были рано утром или сразу после грозы. Или мне так казалось. Наскрести в карманах мелочь и купить сухарики в пачке (несмотря на то, что дед сушил на батарее домашние сухари) – было невероятной радостью. А если еще и на газировку хватало, то чувствовали себя совсем взрослыми! Но если денег не нашли – не беда, мы тайком уходили на садовые участки, искали, чтобы над забором ягоды торчали: малина крыжовник, красная или черная смородина. Ручонки тонкие были, мы в заборные щели их запихивали и доставили ягоды. Один раз нас дед Митя все-таки подстерег. Как схватил за руку одного пацаненка, тот как свиненок завизжал от ужаса. Меня тогда аж пот прошиб! Все, думаю, хана парню! Но дед Митя только с виду суровый был – поддержал да отпустил. Мы когда студентами стали, приезжали, девок пытались клеить, а он совсем старенький: идет и на всю округу нам тот случай припоминает.

Снова тишина.

– А я как-то раз скатился с ледяной горки в длинной новой дубленке. А потом оказалось, что это не горка, а канализацию прорвало.

Незаметно на сцене, изображавшей комнату, стало достаточно много света, уже можно было рассмотреть, кто рассказывал свои воспоминания. Но людей не интересовали ни одежда, ни статус, ни возраст, каждый из них согрелся, опом-

нился, кто-то не сказал ни слова, лишь улыбался. В зале же, наоборот, стало темно-темно.

Люди на сцене еще немного поговорили, посмеялись. На душе стало как-то легче, веселее. Потихоньку надевались ботинки, жались руки. Чуть погодя голоса смолкли совсем, и глаза стали потихоньку глядеть в темноту. Из зала, где не было видно ни людей, ни позолоты, ни шикарной люстры, лишь черное, пустое полотно, послышалось:

– Теперь мы. Наша очередь.

Вы только представьте: сначала было очень темно.

Поле

Здесь первый раз мы отпускаем руки,
Над этим полем вековым.
Наш поцелуй не будет ярким,
Скорей, унылым и простым.

Не прозвучало обещаний,
Не льются слезы по щекам.
Упавшие на дно молчанья,
Лишь сердце в горе вторит нам.

И ничего ведь не случилось,
Лишь руки в руки не сложить.
Любовь в окошко к нам ломилась.
А нам осталось пережить.

Машенька (Петров батог)

– Ты уже давно не по тем дорогам ходишь, герой, темно у тебя в сердце. Зачем ты пришел? Али просто от тоски забрел в мои владения?

В теплом полумраке небольшой хижины трещали поленья, покосившееся от старости окно таило в себе загадки старого леса. Величественные деревья стремились к небу, но сейчас они спали, стволы разрослись до такой могучести, что как будто ощущали собственную важность. Лишь светляки играли в темноте сочной зелени, столько забавы сами себе напридумывали – только держись! Вот цветок подсветить, глянь какой красоты – голубого цвета лепестки сказочные! Вот в коре спрятаться, белке – лесной собирательнице – сон нарушить. Вот друг за другом гоняться, чем не забава? Теплое полотно света от окна разливалось на небольшой сад и служило опорой в волшебной тишине той самой ночи. Немного растений старушка посадила в саду своем: в основном травы лечебные да волшебные, на всем свете человеческом, может, пара еще грядок таких сыщется.

Птахи умолкли, время остановилось. Молодой витязь неслышно плакал, опустив тяжелую голову в израненные нескончаемыми боями руки. Нечего ему было сказать ведьме, а точнее, так много он в себе нес, что вот-вот сломается. Был он беден деньгами, но не сердцем, за каждого про-

сившего – душу разрывал, в бой бросался. Но не отвечали люди благодарностью, лишь изредка кашей манной угощали да в сени пускали переночевать. Полно у них самих проблем было, не до витязя, не до сердца его. Как проблему решишь, так и знай путь-дорогу, далее им жить надобно, а ты тащи свой меч дальше.

– Не знаю я, что ответить тебе, женщина. Вот, плащ изорван...

– Дело тут не в плаще, милый мой, а в сердце твоём. Вижу тоску, непомерной она стала, больше, чем ты сам.

Что тут ответишь? Права была ведьма, врать ей толку никакого нет. Глаза эти – зеленые – как у кошки в темноте светятся, сразу в душу глядят.

– Не знаю я, что ответить тебе. Врать не стану: в бою я хорош, а как с такими ранами справиться... Не умею. Сколько я в глаза людям смотрел, а родных не видел. Недавно вот с Далайна вернулся, с чудищем многоруким боролся, людей спасал, а пока обратную дорогу искал, заблудился.

– А куда шел-то, молодец?

– Обратно к эльфам в Ривенделл, красиво там, глаз радуется.

– Не бывала там, роднее мне мое болотце, никто не указ. Вот недавно Радагаст на своих зайцах по делам несся, рукой махнул и исчез. Знатные у него зайцы!

– Да, слышал.

Пока суд да дело старушка в своих закромах баночками

звенела: посудину достанет, в руках повертит, да обратно на полку деревянную ставит, все не то ей. Герой наш уже в три погибели на стуле согнулся под тяжестью своей ноши, но вдруг почувствовал: что-то теплое о ногу трется, он глядь – кошка белая с глазами разными, один глаз голубым камушком светится, второй – изумрудным. Да так смотрит, что растерялся герой, а она возьми, да и на руки прыгни. Мурлычет, трется о грудь израненную, а у него глаза на мокром месте, как покатались слезы по щекам красным и не остановить их. Не с руки перед бабой реветь, да куда денешься, нет мочи терпеть. Больше нет.

– Ты, герой, поплачь немножко, ничего постыдного в мужских нет слезах.

А наш витязь хоть и сломанный, но гордый остался, спиной к бабушке повернулся и давай на пламя смотреть, сапоги свои рваные да сырые поближе к огню поставил. А кошку с рук не гонит.

– Совсем ты голову повесил, богатырь. Расскажи хоть что-то, а то знай в пламя уставился! Я похлебку пока сварю.

И тут была права старушенция, совсем паренек расклеился.

– Да что говорить, бабуль, всю жизнь с тварями разными воюю, порой в глаза им заглядываю. Души там больше, чем в человеке. Я ж людям помогать хотел, думал, на радость себе да народу жить буду. А получилось вот что... Сиж у тебя тут в болотце, с дырою в груди.

Старушка знай посудой гремит.

– Нюни не распускай, про подвиг свой Расскажи лучше, что за тварь-то многорукая? С чего ты туда поперся?

– А что говорить-то? Далайном то болото кличат, а вокруг земли людские. Народу там плохо живется, земля – как и не земля вовсе: жирхи да тукки вонючие на обед, это если еще повезет и изловишь их, а они твари изворотливые. Все там как болото вонючее. Давно там народ воет. Вот я и пошел с их монстром силою помериться. Дак он еще и богом тамошним оказался. Ерооол-Гуй этот чуть меня не пришиб! Парень там один жил, он землю строил, чтоб людям куда бежать да где жить было. На тех землях патрули все время шуровали – Цереги. Надоедливые, как мухи, много их, одного тронешь – так потом успевай отбиваться. А я ж не мух давить явился, а с достойным соперником биться! Пришлось как вору под капюшоном скрываться! Еще и нойт этот, короче, всем ботам трындец настал! Я до Гуя дошел, а он там с этим парнем – илбэчем – дерется да так лихо руки к нему тянет, а их много! Интересным тот парень оказался, мы ночь сидели, разговаривали, я узнал, что илбэч обречен постоянно строить и нет у него иной судьбы, кроме как земли возводить. Всего себя он отдал за свой дар али проклятие, не поймешь. При нем мир рушился и строился, а вокруг многорукий бог Далайна, и никуда от него не деться. Тоскливо там на этих землях, один день похож на другой и наполнен человеческими страхами, болью и криками. Подкосил меня тот мир, ни-

чего хорошего я не нашел, да и тварь ту толком не добил, потому что сам илбэч ей и стал. Не сдюжил, уполз в свой Далайн, может, там и откинулся. Я на той вонючей земле, знаешь, одну штуку заметил: измельчал народ, подлый стал, дикий, никто руки не подаст, и ничего им толком не нужно. Живут как твари и помирают так же. А илбэч этот... Судьба у него такая – на все это смотреть. Я его с собой звал, да не пошел он, молвил только, что нужно ему о вечном подумать. А вечность длинная, и конца ей не видно. Я и подумал: да ну его, еще и сам в тварь эту превращусь. Пойду в другие края счастья искать, а то в такой тоске и сгинуть недолго.

– А ведьмака на своем пути встречал?

– Да, давненько. Мы с ним на большую тварину ходили, тоже в болоте сидела. Я уж и название ее забыл, но там другое болото было – мертвое, злое, детей таскало. Ну, мы твари кишки-то повытряхивали, потом пива в деревне попили, да он за своей Йеннифэр поскакал – опять у них там споры. Не может ее забыть, но и вместе им сложно. Но знаешь, бабуль, я тут подумал, что лучше уж так. Чем никак совсем.

– Угу, любовь лечит, и ради нее люди и живут. Только дурная она часто, любовь эта.

– Ну да. Я потом с другом ведьмака Лютиком переговорил: у них там такие страсти, уж столько лет минуло, а они все как плюс и минус – искры летят в разные стороны.

– Угу, слышала. Конечно, молва о них в ведьминых кругах до небес стоит. Не любят эту Йеннифэр, завидуют бабы, хоть

и ведьмы.

На время оба притихли. Герой наш знай кошку наглаживает да что-то в теплом свете горящих палений ищет, огонь ведь надежду дарит даже в самую страшную ночь. Только свет надежды держит человека над темной пропастью разочарований. Стало герою даже уютно, холодные пятки потихоньку согрелись, запах чечевичной бабкиной похлебки навевал мысли о веселых деревенских буднях и самых простых человеческих радостях. Вот ты поле вспахал да молока парного напился, траву покосил и в реку с тарзанки полетел, с мужиками силой померился, в лес за дровами или по ягоды сходил, а дома хлеб свежий из печи мама достала. А как вечер настанет во время июльских теплых дней, так беги к любимой под окна, цветы полевые в руке тащи.

– Я и к Бильбо по дороге заглянул. Все у них сейчас тихо да славно, по-хоббитски: сыто да пьяно.

– Ай, бездельники! Все свои ложки да вилки прячут! Ишь ты, столовое серебро, подумаешь, пару раз при мне из норы пропало! Моя ли в том вина, а? Вот и я про то же! Не пойман – не вор!

Кряхтит бабуля, гремит посудой, а ложки те на столе так и блестят начищенные. Заулыбался герой, знает ведь, что у хоббитов этого добра полны норы.

И все же думал герой о ведьмаке и его Йеннифэр, ведь как оно водится: мысли даже о чужой любви согревают сердце.

– Ой, ну хватит об этой любви, Маша! Скукотища. Так и доверь девчонке введение в историю написать...

Девочка с тугими белыми косами от неожиданности чуть из своего платьица не выпрыгнула.

– Митя! Мы же почти уже дальше пошли!

– Вот и я говорю! Нужно уже давно на подвиги собираться, правильно я говорю?

Митя, он же Дима, младший брат Маши – самый заводной и горячий парень в собравшейся компании. Пятеро ребяташек построили свой собственный волшебный мир под старым письменным столом в комнате Митькиного деда. Дед хоть и ворчливый был, но ничего детям не говорил, только одно:

– Детство – это святое!

Сам дед в пятнадцать лет на войну ушел, подтер цифры в паспорте и всю войну от сих до сих увидел. Вернулся после того, как на mine подорвался, в живот осколок попал, выл иногда ночью от боли, но днем никогда не жаловался. Дом сам строил и чинил, в лес да на рыбалку ходил, никогда пустой не возвращался.

Накрывали ребяташки стол пледом и тряпками, таскали туда бублики, печенье, сухарики и конфеты. Каждый из них волшебные книги читал и приходил в замок с новыми историями.

– Мне кажется, Митя прав! Засиделись мы у ведьмы, пора план на следующую битву готовить! – Стас, верный Ми-

тин друг и соратник, говорил чуть тише, но уверенно. Они вместе играли в «Танчики» или сражались на палках, которые представляли грозным оружием. Стас был правой рукой Митьки и всегда прикрывал его, если нужно было выкрутиться, соврать или отвлечь бату, пока кто-то из них тырил вяленую рыбу из сарая. Вообще, Машка у них была единственной девчонкой в компании, еще и чуть старше остальных. Но детство – на то и детство, что разницы особой нет, детишкам лишь бы весело было.

– Эй, Серый, Гера, вы чего умолкли? У нас тут голосование намечается.

Два брата притихли и уже придумали свою историю, в которой плыли на кораблях в дальние страны открывать новые горизонты, искать сокровища.

– А? Мы думали, может быть, лучше на корабль пересядем? Можно к речке сходить.

– Да ну. Вы что? Там же взрослые ребята со своими девчонками ныряют, снова тумачков получим. Нет уж, в замке безопаснее!

У мальчишек завязался спор: кто, куда и зачем. Одна Маша сидит, и все ее любовные грезы рассеялись. Только у девочки появились слезы на глазах, как одна из стен волшебного замка приподнялась и появилось доброе лицо Машинной мамы, возможно, она даже немножко подслушала их истории. Маша вздохнула с облегчением.

– Машенька, милая, помоги мне на кухне.

Ребятишки на миг замолкли и замерли каждый в своей позе: кто руками махал, кто в носу ковырялся. Маша отвернулась, чтобы мальчишки не заметили, смахнула горькие слезы и с радостью выскочила из душного укрытия на свежий воздух. Как только волшебная стена вернулась на место, горячие споры возобновились: речка или замок?

В теплом деревянном доме светило солнце, погожий летний денек во всю набирал обороты. Маша жадно вдохнула ароматы цветущего луга, который было видно из резного окна, в расплескавшейся зеленой палитре выкрикивали свои имена одуванчики, ромашки, клевер, зверобой, небесно-голубой цикорий и васильки. Под окнами мама высаживала пионы и кустовые розы, каждое утро в определенный период лета можно было пройтись по грядке, собрать клубнику, растереть ее с сахаром и добавить молока.

Маша еще раз посмотрела на замок, но не испытала чувство обиды, которое всегда появлялось у нее в компании мальчишек. На этот раз случилось странное: укрытие показалось небольшой кучкой пыльного хлама. Девочка улыбнулась и шмыгнула к маме на кухню.

Мама пекла самые пышные и чудесные пироги, все в деревне говорили про это. Даже злая соседка Ирка признавала, что у нее так хорошо тесто не поднимается. Накрытый белой скатертью деревянный круглый стол был заставлен разной посудой: в одной были ягоды, в другой – мука и сито, в третьей тесто ждало своей очереди.

– Мам... Мальчишки меня вообще не понимают, – глотая слюну заговорила Маша, запах, исходивший из духовки, наполнил кухню от деревянного пола до самого потолка.

– Правда? А почему ты так решила? – мама всегда серьезно обсуждала с Машей все ее мысли и приключения.

– Я им про Геральта и Йеннифэр рассказывала, а они ничего не понимают! А там такая любовь! Они жить друг без друга не могут! – Маше так нравилась история ведьмака, что девочка пищала от восторга, когда нашла книги у отца на полке. Правда, сначала ей было скучно: все эти горгульи и оборотни, сидящие в болотах и поедающие людей, вызывали у нее двоякое чувство. Вроде и весело, но чего-то не хватало. А когда появилась любовная линия, Маша вцепилась в буквы всеми фибрами, но, к ее разочарованию, приключений было много, а любви мало. Иногда Маша перелистывала страницы не читая, чтобы найти ту самую встречу и слова о самом сильном ведьмаке на свете, который убьет любое чудище, но не устоит перед прекрасной колдуньей, которая в детстве, между прочим, тоже не была красавицей! И они будут вместе, и он будет ей верен и отправится за ней на край света!

Каждый раз Маша с трепетом доставала новую часть истории о Геральте из Ривии, выуживая нужную книгу среди Лукьяненко, Кинга, Сорокина и массы литературы об истории. Папа девочки работал учителем в местной школе и был очень умным.

– Мальчишки – на то и мальчишки. Что они понимают? Они могут всю жизнь вот так под столом просидеть, – мама тихонько умилялась горящим глазам дочери, ее пылким словам и еще неказистым жестам: Маша размахивала руками, надувала щеки, хлопала глазами, пока рассказывала очередную историю из книги.

– Я раньше воображала, что наше укрытие с мальчишками – это замок, а сегодня смотрю – тряпки. Как ты думаешь, мама, любовь есть? Такая, как в книжках, как у Геральта и Йеннифэр, – девочка с выпученными глазами полными надежд смотрела на маму. Молодая, но умудренная опытом женщина старалась подобрать нужные слова.

– Конечно, милая, но есть секрет.

– Секрет? – Маша подпрыгнула на стуле и чуть не забралась с ногами на стол.

– Конечно! Ты знаешь, почему Геральт так любит Йеннифэр? Несмотря на то что иногда гуляет с другими, – мама вытерла руки и уперлась локтями в стол. Маленькую Машу распирало от любопытства, когда в книгах рассказывалось о других женщинах, она корчила рожицы и перелистывала эти страницы. – Йеннифэр же совсем не простушка, правда? Она и магию знает, и за собой следит, и по миру путешествует, и не горюет, если Геральта нет рядом, – мама внимательно смотрела в глаза девочки и понимала, что происходит в этот сакральный момент и насколько сильно от этого зависит будущее ее дочери. Маша не произнесла ни звука, она смотре-

ла на маму и доверяла ей всецело. Она ждала слов.

– Такие герои, как Геральт, любят только сильных, самостоятельных, ухоженных девушек и волшебниц, обязательно образованных, понимаешь?

– Угу.

– Чтобы узнать любовь, нужны приключения, они бывают неприятные, например, тебя предадут в пути, ограбят, или кто-то погибнет. Но чтобы стать Йеннифэр, нужно все это пройти, ничего не бояться и никого не ждать! Обязательно учиться наукам и языкам, знать, как самой за себя постоять!

– И даже Геральта не ждать?

– А Йеннифэр ждала разве? Сидела сложа руки? Она училась, путешествовала, у нее были и друзья, и враги! А какая одежда!

– И она могла всех-всех заколдовать!

– Верно! Геральт влюбился не в простушку и не в девочку за пыльными тряпками, а в одну из самых могущественных и красивых женщин! – мама развела руками, словно показывая целый мир вокруг. Глаза дочери горели звездами и мечтами.

– Я тоже вырасту образованной и красивой...

– Конечно! А мы с папой тебе поможем! И совсем не обязательно сидеть со всеми под столом или еще где-то, если тебе тесно или скучно. Не бойся уйти, понимаешь, Машенька? Мир большой, чудес много.

С этими словами мама достала из духовки зарумянившей-

ся пирог – самый вкусный на свете.

В тот день Маша приняла несколько важных решений, определяющих ее дальнейший путь, возможно, не совсем осознанно, но по-детски серьезно. Только это уже совсем другая история, а пока перед Машенькой появился стакан молока и мамин пирог.

– С ягодами?

– Да, с ягодами.

А в комнате деда по-прежнему стоял замок, и герои все еще не могли договориться: идти к реке или остаться.

Утро в России

Два жителя коммуналки – пожилой и молодой – встретились 16 февраля 2024 года утром на кухне. И случился у них разговор.

– Поболит и перестанет!

– Жаль умерших не вернешь.

– Поболит и перестанет!

– Будет время, все поймешь.

– Поболит и перестанет!

– Руки в кулаки сожми!

– Поболит и перестанет!

– Накинь ляжку и тащи...

– Поболит и перестанет!

– Мне твердили, я твержу...

– Поболит и перестанет!

– Я смогу, смогу, смогу!

– Поболит и перестанет!

– Пропади ужасный день!

– Поболит и перестанет!

– В моем сердце боль и тень...

– Поболит и перестанет!

– Стоп, горшочек, не вари.

– Поболит и перестанет!

– Валенки с ноги спадают. Побледнели, нос в грязи.

– Поболит и перестанет!

– Буря небо мглою кроет...

– Поболит и перестанет!

– Ветер воеет, воеет, воеет!

– Поболит и перестанет!

– Руки тянутся к огню!

– Но болеть не перестанет...

– Тонешь ты, и я тону.

Раздери меня воробей!

Настал очередной день рабочей недели – среда. Раннее утро, все будильники прозвенели, кто-то собрал сумку с вечера, кто-то впопыхах занялся этим прямо перед выходом, забыв наушники на столе. Про наушники он вспомнит позже, когда приземлит свою пятую точку на единственное свободное место в автобусе.

Раннее утро всегда волшебное время. Улицы просыпаются, дворник уже метет мусор, с которым так любит играть петербургский озорной ветер. Пекарни потихоньку наполняют воздух запахом свежей выпечки. Воробьи чирикают все громче, рассказывая друг другу утренние новости, которые успели собрать. Во дворах ненадолго поселилось теплое лето, пробираясь даже в самые серые и промерзшие за зиму уголки, солнце заглядывает в колодцы, освещая местную фауну. Самые радостные и желанные солнечные лучи разливаются теплыми лужами по проспектам. Они наполняют воздух, отражаются в куполах, ныряют в фонтаны, разлетаясь на тысячи радужных искр, щекочат носы петербуржцев.

На этой священной земле солнце редкий, но всегда желанный гость. Как только наступает его время, люди превращаются в моржей и загорают на Петропавловке, набережные оживают, подставляя свои каменные бока, и заливаются перламутром, а статуи в Летнем саду слегка шурются от удовольствия.

ствия.

Все вокруг погружается в великую рутину, и вроде бы каждый день похож на предыдущий. Но каждое утро – это новое утро, и всем нам даются новые шансы. Если, конечно, мы – всесильные и умные люди – не упускаем их.

Так и в этой истории: в самой обычной коммуналке произошёл занятный случай.

Есть в Петербурге коммуналки: длинные коридоры, что можно кататься на велосипеде, высокие потолки, общая кухня, часто один унитаз на всех. И в каждой такой квартире, как и в любой другой, есть свои радости и горести. Перегорела лампочка, потрескалась краска на стене, угрожающе свисают куски старых обоев. Немытые окна, накопившие слой пыли за множество зим, ажурный тюль, перекинутый через натянутую веревку. Расставленные по кухне домашние растения пестрят разными горшками, а вместо поддонов – старые тарелки и блюда. Черный и белый хлеб в пластмассовой хлебнице, вчерашние щи в холодильнике. Затертая плитка на полу.

Люди, молодые и постарше, ушли кто куда: кто на работу, кто на учебу, а коммуналка осталась и замерла в блаженной тишине. Лишь из приоткрытых форточек льется свет, доносится звук проезжающих мимо машин и бормотание старой радиоточки. Дом будет ждать людей, старые шторы будут ждать людей, щи в холодильнике постараются не испортиться и будут ждать людей. В Питере вообще очень добрые

дома, они хранят в своих стенах память о пережитом, дышат тайнами и оберегают нас, когда нам бывает невыносимо плохо. Они помнят наш первый крик и услышат последний вздох, никому не расскажут о том самом случае, сохранят драгоценные минуты счастья, вдохновят на новый день, даже если прошлый был из рук вон дурным и тяжелым. Дома, как и сам Петербург, нужно любить. Добрый наш город, живой!

В одной из комнат, в отличие от остальных, блестели полы, вещи благоухали кондиционером и лежали аккуратными стопочками. Каждый цветок, а их было немало, был посажен в красивый глиняный горшок, напоен и подкормлен в точности по расписанию. Это была комната Вареньки, она работала санитаркой. Варя любила порядок, книги и свежий хлеб. Но сегодня мы познакомимся не с Варей, а с ее другом – вальяжным молодым джентльменом, который, проводив свою даму сердца, разлегся на диване. Он смотрел в окно, где шныряют воробышки, совершенно наглым образом вороша и разбрасывая насыпанные в кормушку семечки, хлеб, остатки геркулесовых хлопьев.

– Вот шалопаи...

Наш герой уже прищурил глаза – теплое летнее утро клонило в дремотную негу, как вдруг в комнате тихо скрипнула дверь. Незванным гостем был сосед, видимо, Варя неплотно закрыла дверь и старая защелка снова отошла. Сосед медленно, но неотвратимо продолжал углубляться в комнату, пока не нашел хозяина на диване.

– А-а-а, вот вы где, Василий! А я-то думаю, куда же этот прохвост Рыжкин подевался. А вы тут изволите почивать, как я погляжу!

– М-м-м, Феликс Котов собственной персоной. Что же заставило вас, мой дорогой, в такую рань ко мне явиться? Как ваши усы?

– Блестят и торчат, Василий! Блестят и торчат! А насчет темы визита – так дело известное! Познакомиться нам поближе пора, негоже нам все время друг друга сторониться. Как поживает ваш лишний вес?

– А мне не лишний!

– Ха! И то верно!

Пока суд да дело сосед наш к угощениям и кушаньям направился, медленно, но очень уверенно.

– Как ваша хозяйюшка? Давеча на кухне ее видал – цветет!

– Да, тряпки постирала, стопочкой сложила и на работу пошла! Машинка-то у нас стиральная сломалась, вот она в тазике и полоскалась.

– Да? Как интересно, а я и не заметил.

Все, конечно, наш сосед заметил, но он старался поддерживать разговор, чтобы не привлекать лишнего внимания к тому факту, что угощений на блюде стало меньше, а его улыбка шире.

– Дак мимо вас целое стадо мышей пробежит, а вы проспите! Вы кушайте-кушайте, не стесняйтесь!

– Фу! Раздери меня воробей, какое гнусное высказывание

в мой адрес, Василий! Я запомню. А кушать буду! Чего мне стесняться? Да после ваших слов я все начисто подьем!

– Не зря я вас поначалу невзлюбил. Ой не зря...

– Я, знаете ли, только что в окно смотрел, очень ответственно! Решил перерыв сделать. Как хорошо, когда работа удаленная! Не то что во дворе дежурить.

– Это верно. Такая у нас с вами ответственность, что не каждый справится.

– Конечно! О том и разговор! Вы у нас тут недавно, Василий, как прижились? Как вообще сюда попали? М-м-м?

– Ах, вы об этом... Вдовец я, Феликс, вдовец.

– Как так? Такой молодой, а уже вдовец?

– Да... Мы жили с дамой намного старше меня, любил я ее до сумасшествия. Подарки в постель таскал, грел ее и пел без повода. Но жизнь распорядилась так, что она раньше меня ушла на тот свет и я один остался. Меня в общий дом сдали на проживание. Соседям и сыну я не нужен был, да и не хотел к ним, если честно. Ото всех меня воротило, веру я в людей потерял. Но когда Варенька пришла и руки протянула, а эти руки добрые-добрые, я и не стал брыкаться, как к ней попал, так и запел снова.

– Ну дела. Понятно теперь, почему вы такой злой в нашу первую встречу были. Смотрю: весь напрягся, глаза горят. Зверь, не иначе!

– Вы уж меня простите...

– Ничего-ничего, я уже все ваше кушанье подьем, так что

прощаю.

– Эх, шалопай вы, Феликс!

Немного помолчали, а день знай себе дальше идет. Вот уже и Феликс на диване сидит, в окно смотрит.

– Какие же они наглые, эти воробьи...

– И не говорите! Я на них смотрю и думаю, что они о себе возомнили, малявки?

– Вот-вот. Я тут недавно, пока на горшке сидел, в газете прочел, что голуби заполонили весь город! Расплодились и угрожают населению!

– Ох, раздери меня воробей. Да что вы?

– Да-да! Только представьте себе!

– С этим нужно что-то делать!

– Нужно делать...

– Вздремнем?

– Вздремнем...

Так и уснули наши герои, сладко да крепко, а около пяти и Варенька с соседкой домой воротились.

– Ой, снова дверь нараспашку! Видимо, так утром торопилась...

– Да ладно, Варь, у нас тут все свои, ну не закрыла, и бог с ним. Я сейчас сумку кину и к тебе, ладно? Нужно еще позаниматься, я кое-что не поняла.

– Хорошо! Только приноси учебники, я-то свои сдала уже. Пойду чайник на кухне поставлю.

Девушки разошлись, кто в комнату, кто на кухню, но пе-

реговаривались через стены. Варя и Тоня уже давно дружили – в мединституте познакомились.

– У тебя еще случилось малиновое варенье?

– Не-а... Но есть клубничное, мне бабушка с собой пару баночек дала вместе с капустой квашеной!

– Отлично. У меня хлеб белый есть, сейчас чай заварим!
М-м-м!

– Что-то Феликса моего не видно, куда спрятался, прохвост. – Тоня уже переделалась в домашние шорты и майку, завязала хвостик и вошла в комнату соседки с парой учебников в руках, девушка была чуть моложе Вари и всегда с ней советовалась.

– А вот иди-ка сюда, погляди на них. Иди, иди...

Девочки тихо подошли к дивану, а на нем двумя клубочками свернулись коты – один серый, другой рыжий.

– Вот и познакомились.

– Ага. Гляди, как спят, небось, дела у них тут важные были.

– И не говори! Мир спасали, не иначе!

– Ладно, пошли на кухню, бутики с вареньем сделаем.

– Я, кстати, снова в приюте была: одна девочка не смогла прийти, и я решила помочь. Такого песика там увидела, кажется, я влюбилась!

Девочки продолжали разговаривать по дороге на кухню, оставив новоиспеченных друзей на диване.

– Вася, мне кажется, или ваша хозяйка про собаку только

что говорила?

– Да, Феликс, боюсь, что это так.

– Раздери меня чертов воробей, этого не хватало.

А на том берегу Невы

А на том берегу Невы

Все еще воду несут,

Тысячи лиц и душ

Спины свои согнут.

А на том берегу Невы

Слышится нам «Прощай».

Тысячи лиц и глаз,

Многострадальный край.

Корочка хлеба в день,

Ужас и холод в ночь.

В души кралась тень,

Тянулась рука помочь.

Там – в нашей темной Неве –

Все еще слезы текут.

Тысячи глаз в воде

Помнят и не уснут.

Здесь, на святой земле,

Таня осталась одна,

Чтобы стоял наш град

И дальше плыла Нева.

Что чудо для одного – тайна для другого

Где случаются настоящие чудеса? На краешке сна, пока ты еще не ушел блуждать в другую вселенную? В самом светлом и счастливом воспоминании? Где-то в середине или под конец любимой книги? В день свадьбы, в день рождения, возможно, в самый обычный день? Чудо случается всегда, если ждешь его, если веришь.

А где звучат самые искренние слова? Конечно, на лавочке в туманном Петербурге! Там, за пеленой дождя, как у бога за пазухой, все можно сказать, горе излить и добрые советы послушать. Но что чудо для одного, то тайна для другого. Счастье многоликое, как хочешь это понимай.

Но об этом еще не знает наша маленькая героиня. Она, ее родственники, соседи и несколько друзей едут в большом туристическом автобусе на экскурсию в город на Неве.

Как правильно рассудили взрослые: вместе дешевле, веселей и безопаснее. Давненько они собирались ехать, да все дела разные тормозили: то пес сбежал, то сын – двоечник, то огород дождями залило, то муж с перепоя в больницу попал. Мало ли дел житейских, а все-таки собрались. Водитель – Жорка – тоже из нашего поселка, уехал в город, поступил

в техникум, уже устроился, теперь все места нужные знает. За какие коврижки автобус взял – уточнять не стали, только в ладоши похлопали.

Правда, хвастаться было некому: все родные отошли мало-помалу, в основном из-за запоев. Самогонка, конечно, хороша, но в меру. Сам Жорка не пил совсем, насмотрелся с пеленок на пьяные рожи, ведь в семье он последним родился – слабеньким да косолапым. Старшая сестра и братик переняли у родителей привычку за ворот закладывать. А Жорку бабушка Надя вырастила и строго-настрого пить запретила.

– Они не ты! Ты не они! Не твоя это судьба, мальчик! – После этих слов Жорка в город отправился: денег немножко в штопаном кармашке, да крестик на груди. В школе он учился хорошо, без проблем поступил. Бабушка Надя хоть и со слезами, но вытолкала его подальше от семьи. Все, что смогла, дала, дальше – воля Божья. Ее потом всей деревней хоронили, выли от горя. Она медсестрой была, всем помогала: и собакам, и людям. И внука младшего хвалила. Так что Жорку все любили, гордились им, а тех запойных и не вспоминали – ушло и ушло, было и было.

Поселок наш совсем недалеко от столицы культурной находился – город-то растет, а деревни мельчают. Но так только городские думают! А у нас и заводы свои, и земля родная под ногами, утром птицы поют, еда со своего огорода всегда присутствует. В поселке теперь есть и игры разные для молодежи, и кабельное телевидение, и компьютеры. Но на город

полюбоваться любо-дорого, вот и собрались. Лето ведь, хоть и не хотелось от огорода отходить, но плюнули, всего на денек-то можно! Дома свои закрыли, яйца из-под куриных задниц достали, сварили в дорогу, бутерброды наделали, самогонку взяли. Собак-сторожей оставили. Поклонились и покрестились, на дорожку присели, конечно. Нарядились кто как мог и вот уже знай катятся, скоро на Исаакиевский собор смотреть будут!

Шумная компания собралась: бабы с соседками гутарят, мужики потихоньку горячительное смакуют, чтобы быстро не окосеть, закусывают. Шум стоит, музыка играет – едут весело! Детишки по интересам разошлись: мальчишки – к мальчишкам, девчонки тоже в стайку сбились, у них уроки по макияжу. Нужно признать: все молодежь сейчас знает! Посмотрят в шпаргалку в интернете, и все! Еще они снимают на телефон все подряд: как в огороде копать, как в зеркале кривляется, как бабушка пироги готовит. Зинаида Ивановна уже знаменитостью стала: у нее куча просмотров! Кто ж знал, что так интересно людям слушать про капусту квашеную да про соль четверговую.

Вот все и гутарили по дороге кто о чем. Одна, правда, была девчоночка – молчунья, все в окно глядела, что дома, что в автобусе. Мечтала о чем-то, витала где-то. Ее и к врачу водили: сказали, что вполне здоровая девочка, только железа не хватает. Сначала ее не любили, а потом поняли, что такой она человек, что с нее взять? Танюшкой ее зовут, а в наро-

де шутят, что она родственница хозяйки Медной горы. Тоже зеленоглазая, тоже вышивать любит красоту разную, в тканях и камнях понимает, хоть годков еще ей немного.

Уши себе наушниками заткнет, сядет у окошечка, иглочка в пальцах так и запляшет – раз-два, раз-два. В этот раз Татьяна рукоделие не взяла, только книжку, блокнот маленький с карандашом и «затычки ушные» свои – так батька наушники новомодные беспроводные кликал. При людях он над новьем смеялся, но доченьке всегда все самое лучшее покупал.

Весь автобус уже веселый был: кто от свежих сплетен, а кто от свежих дрожжей в алкоголе. Таня в самом конце салона разместилась, у окошка: и не слышать ее, и не видеть. Но батька все равно на нее одним глазом, хоть уже и кривым, посматривал.

Родители Татьяны сошлись давно – на дискотеке, а до этого в школе вместе учились. Витька был из «породы гончих», а Лидонька-ладушка всегда пышногрудой да румяной росла. Поженились по любви, хозяйство у них свое, дите растет, что еще нужно? Витька – известный на деревне слесарь и на все руки мастер – пару рюмашек еще до отъезда залил. Веселый мужик, пса своего Геру очень любит, на охоту с ним ходит. А Лида Ивановна – пекарь, в нашей местной столовой давно работает. Пирожки там – объедение! И жареные, и печеные, и сладкие, и с картошкой, и с мясом. И всякое другое есть: пицца, бургеры и хот-доги. Все по нынешней моде. И

конечно, о закусточке под водку не забыли: бутерброды с копченой колбаской, селедка с луком, огурцы маринованные и сало домашнее. Супы каждый день разные варят, по понедельникам – солянка наваристая, оно и понятное дело – после выходных-то.

Ехали до Питера недолго: час, и на месте. Сразу на Невский проспект выскочили, решено было к «Медному всаднику» путь держать, поклониться ему. В окно никто кроме Тани не глядел и красот петербургских не заметил. А девочка наша давно из школьной библиотеки взяла пособие по краеведению для седьмых и восьмых классов. Из него она много о Петербурге узнала. А то: что у родственников и соседей не спроси, они все про болото говорят. И вообще Таня с возрастом книгам стала доверять намного больше, чем людям.

«Я вижу град Петров, чудесный, величавый,
По манию Петра воздвигшийся из блат,
Наследный памятник его могущей славы,
Потомками его украшенный стократ!»

Это отрывок из стихотворения Петра Вяземского «Петербург», написанного в 1818 году, о нем Таня тоже из книжки узнала. В учебниках все излагалось довольно сухо, но, когда девочка въезжала в город, она поняла смысл красивых слов писателей о том, что улицы и здания Петербурга хранят живое дыхание истории. Еще не достигли города, а воздух уже переменялся, стал гордым и великим, словно она прибыла в особенное, волшебное место. Несмотря на то, что во всей

стране началось лето, в городе на Неве небо осталось серым, не мрачным, но молчаливым и внимательным.

Из книг девочка знала, что город стоит на Приневской низменности – это равнина с большим количеством заболоченных мест, поэтому ей стало понятно, почему все твердили про болото. Но, конечно, в подробности никто не вдавался. Интересно, что примерно двенадцать тысяч лет назад вся территория современного Петербурга была дном бассейна, который образовался под громадным ледником, покрывавшим весь север Европы. А река Нева возникла на месте ледникового пролива и звалась раньше «Нево». Таня с удивлением смотрела на дома, но все чаще и пристальнее всматривались в серебряную даль. Там клубились облака, они плыли и, казалось, пели тихую песню о прошлом. Небо Петербурга напомнило Тане океан – бескрайний, могучий и старый, как сам Бог. И все-таки стоило девочке увидеть Невский проспект, как ее внимание переместилось на него.

На главной центральной улице дома казались волшебными: столько барельефов и статуй, с трудом держащих колонны, огромные окна и арки, с подвешенными внутри фонарями – все это не умещалось в голове маленькой Тани. Где-то здесь Зимний дворец и Спас на Крови. Где-то здесь знаменитые «атланты» и Заячий остров. На нем 16 мая 1703 года была заложена крепость. Сначала Петр назвал ее по-голландски – Санкт-Питербурх, но позже, после постройки собора Петра и Павла, крепость называли Петропавловской. Да-

та, когда заложили крепость, считается днем основания города.

Таня перебирала в голове знания, почерпнутые из книги, а автобус остановился. Вся толпа похватила сумки, кто-то закинул бутерброды с колбасой в карман, предварительно завернув их в обрывки фольги. Остановились, как и планировали, недалеко от «Медного всадника». Но и не близко – парковку днем с огнем не сыщешь. Пошли по узкой улочке, держась косяком: бабы вели детей, а иногда и мужей за руку, проклиная неудобные туфли и городскую духоту. Дошли до памятника, а там... народу видимо-невидимо! И куча таких же автобусов стоит. Уедет один – тут же на его месте появляется другой, и так без конца! Но наши были не из робких! Пошли сквозь толпу на железного коня смотреть. Таню душной, потной волной оторвало от стаи – разноголосый кутеж и борьба локтями как-то не вязались со святыней.

Не зная, что именно нужно делать, девочка просто встала. Она смотрела на зеленое поле, разделившее Петра и Исаакиевский собор, под круглым куполом которого прогуливались люди. Смотрела на толпу китайцев и сторонящихся их горожан, осмелившихся выйти погулять с собачкой в самый разгар туристической вакханалии. Смотрела на скрюченных в вопросительный знак людей в разных панاماх. Они держали в руках кисти и бросали взгляд то на свои живописные полотна, усаженные на художественные треноги, то на открывавшийся пейзаж. Таня любила художников. Но эта карти-

на достаточно быстро утомила девочку, и она развернулась к Неве.

Та, в свою очередь, гордо текла, окруженная каменистыми стенами. Таня смотрела на воду, и ей стало спокойнее. Она подумала о том, куда хотела попасть в Петербурге больше всего. Девочка никому не рассказала об этом, кроме Жоры.

В тот день, когда он объявил о поездке, зарезали поросю и ели праздничные шашлыки. Паренек, зная Танину привычку произносить просьбы только шепотом и наедине, подставил ухо, когда они остались одни. Выслушав девочку – Таня говорила коротко, редко вдаваясь в подробности – и прожевав кусок сочного мяса с маринованным луком, Жора предложил отвести ее в «то место» в конце экскурсии.

– Все уже устанут и спать будут, а ты сходишь, куда хотела, и я с удовольствием составлю тебе компанию.

На том и порешили, сойдясь на мысли, что «то место», кроме Тани, никому толком не интересно. Но вслух произносить этого не стали.

Таня искала в Жоре черты персонажей книги «Анна Каренина», но не было в нем ничего ни от статного Вронского, ни от постоянно смущенного Левина, ни от изменявшего жене Облонского. Не то чтобы кто-то из них нравился юной читательнице, но где-то в глубине души она отчаянно желала найти подтверждения словам, написанным, казалось бы, не так уж и давно. Она мечтала отыскать сокровище, сокрытое от всех, и сильные мужские качества, свойственные тем

героям, нужны были ей для утешения или подтверждения, что за современностью скрывается что-то еще. Стоит только зайти в «ту дверь», и там все еще продолжают балы, шуршат красивые платья, прикрывая лодыжки. Горят свечи, а девушки томно ждут писем от поклонников. Эпистолярный жанр, муфты, мир, полный чувства.

Многое, написанное гением русской литературы, Таня в силу возраста не могла понять, но у нее был собственный словарь, в который она записывала непонятные слова и тут же искала их значение в интернете. Словарик пополнялся ежедневно и скрупулезно, иногда важных и интересных слов было так много, что от них кружилась голова!

Но, увы, мир дышал современными реалиями и Жора был обычным. Рубаха-парень, любил жевать свинину, плевать и спать на печи. А в интернете можно было найти видео, в котором молодой человек ночью мочился на тот самый памятник. *Ah madame, c'est si tragique*¹.

Но вернемся к нашей компании. Пропажу Татьяны приметил батька, он – худой и разящий перегаром – незаметно протиснулся сквозь толпу зевак, предварительно вверив жену соседке-балаболке, с которой они дружили с младых ногтей. Таню он нашел быстро, девочка все на Неву смотрела. Подошел тихонько, взял за руку, и пошли они, ни слова не сказав, обратно в толпу. Насмотрелись на памятник, по полю прогулялись, сделали миллион фотографий на па-

¹ Ах, мадам, это так трагично (с французского).

мать. До Зимнего дворца пешком дошли, Таня «атлантов» посмотрела, большой палец им потерла, по Дворцовой площади походила, увидела людей, наряженных в костюм Петра Великого. Народу было много. Солнце в Петербурге то выплывало из серого океана, то занывривало обратно. Когда все умаялись – пошли в автобус.

Витя никогда не повышал голос на дочку, звал по полному имени, иногда Танюхой, если, например, приносил домой хороший улов грибов или самогонка была очень вкусной.

– Эй, Танюха, иди-ка сюда! Смотри, сколько батька грибов на засолку притащил! А? То-то!

Несмотря на жизненные перипетии, Витя нос не вешал, даже после смерти первого сына в младенчестве. Плохо им в этот момент было: Лида тогда до костей похудела, глаза как черные ямы стали. Витя нюни распускать не смел, тем более при жене, но один раз после попойки выплакался – так волком выл, что в самой Москве Красная площадь тряслась. Даже топиться пытался, но дед один удержал.

У мужиков была традиция: если все хорошо, они на увеселения сходят да домой вернутся – к женам в кровать или на печку бока кладут. А если дело было худо, то мужики собирались и уходили в лес с самогоном. Костер там жгли хоть зимой, хоть летом, садились в круг и пили до тех пор, пока того, у кого горе, не прорвет. Бабы тот обряд знали, спокойно отпускали мужей и узелочки на ночь с закуской давали – спички и стопку с солью обязательно. Целовали в дорогу,

крестили и за дела брались: кто вязать садился, кто башкой в красный уголок тыкался. Всю ночь тоже не спали, и никто в такой день, а тем более ночью, щи не варил.

Витька в ту ночь долго молчал, до утра почти, только в огонь глядел. Мужики уже задремали пьяные, а он как будто ждал момента: разделся до трусов, все тряпье аккуратно сложил, один крестик на шее остался, и к озеру босыми ногами пошел. Слава богу, с ними тогда дед Тихон был, у него бороду давно седина проела. Ворчун, на праздники его не дозовешься, за дурное слово палкой по горбу лупил и молодого, и старого, всю жизнь со своей старухой Верой Павловной прожил. Дед за Витькой всю ночь одним глазом глядел, а когда все пьяные уснули, оба глаза у него открылись. Витя за слезами не разглядел, что за ним смотрят, перекрестился и пошел. Уже у самого озера его Тихон остановил. Витька с перепоя и не понял, что случилось. А когда понял, все Тихону высказал, все на свете проклял. А Тихон держал его, слушал и кивал. Страшные слова тогда были произнесены, да скоро рассвет настал. Тихон те слова с собой на небо унес, там всему есть место.

Много по каким знатным местам наша компания еще помоталась. Часов до пяти точно кружили, а потом настало время в ресторан ехать, он заранее был забронирован. Всем хотелось столичной кухни отведать, тем более Лиде, у нее вообще профессиональный интерес! Ресторан у собора Владимирской иконы Божией Матери стоял, туда автобус и прича-

лил. Таня сразу заметила огромные золотые купола, подпирающие серое небо. Но еще больше она загляделась на садик при соборе. Он казался тихим островком посреди океана: людей немного, а цветов видимо-невидимо. Девочке очень захотелось посидеть в этом садике, но все судачили о блюдах ресторанных и слушать, конечно, не стали. Но Татьяна на то и Татьяна, что, если заметку сделала, то будет так, как решила. Девочка мудрой росла и умела ждать.

С парковкой Жоре пришлось повозиться. Выпустил он своих в ресторан, а сам машину поехал ставить, говорит: «Вы идите, я сейчас сам приду». Постарался он поближе автобус поставить, знал, что наклюкается народ, тащить надо будет. Но как смог, так и смог, все же не в деревне они. Таня обрадовалась, что ресторан недалеко от садика был: через дорогу и налево, весь маршрут она в голове зарисовала.

Народ наш в столичные палаты кубарем ввалился – все веселые, румяные! Рассадили их за большой стол в отдельном зале, телевизор на стене песни заголосил. Сначала они долго в меню смотрели, в названия блюд пальцами тыкали. Наказывали много всего: салаты, закуски и горячее, детям – картошку фри и бургеры, совсем малявкам – суп с куриными фрикадельками, мужикам – водку, девкам – винца разного. И понеслось!

Татьяна поклевала немножко того-сего, но все про садик думала. Мамка у нее так вкусно готовила, что еда ее не особо интересовала. Что у них в родной столовой, что в столич-

ном ресторане – все хорошо. А еще лучше – дома за столом или на заднем дворе, когда батька рыбу коптит! Или огурец с грядки родной сорвать и схрумкать!

Прошел час, может, больше, народ захмелел и откинулся на спинки нарядных стульев, пошли разговоры о засолке овощей на зиму и про огороды. Таня поймала момент и попросилась выйти прогуляться до церкви. Одну ее, конечно, отпускать никто не хотел, но тут подоспел на подмогу Жора. Парень уже съел все, до чего мог дотянуться, ему было скучно, и он ковырялся во рту зубочисткой.

– Мы быстренько поглядим и обратно! – упрашивала Таня.

– Ну... Если с Жорой, то ладно. Но смотри, парень, глаз не своди с Танюхи, а то между грядок тебя закопаю или вместо чучела насажу, – говорил Витя шутливо, но Жора знал, что в каждой шутке есть доля правды. На том и порешили, Таня весело упорхнула в сторону выхода, Жорик пошел следом.

Движение в той части города было оживленным. На дороге мелькали машины, светофор переключал цвета, люди шли по своим делам, щурясь от солнца. Заветный садик находился совсем рядом, и Таня наконец-то оказалась там, где ей хотелось. Вживую все выглядело еще лучше, чем из окна автобуса. Небольшое засаженное цветами пространство сочилось зеленью и спокойствием, посередине стоял небольшой фонтанчик, вокруг располагались резные скамейки. На одной из них Таня заметила девочку в платке.

Тане страсть как стало интересно поговорить с той девочкой, она подошла ближе и встала напротив. Девчушка была очень худенькой, с тонкими пальцами. Цветастый платок, серенькое хлопковое платье, подол которого падал прямо на землю, в руках – остатки булки.

– Ну садись, коль пришла, – голос новой знакомой был тихим и тонким, девочка продолжала отрывать кусочки от булки и крошить их на землю, не поднимая головы.

– Здравствуй, – Таня присела рядом. В этот момент подошел Жора и, будто не заметив никого рядом, обратился к Тане.

– Я пойду в храм, поклонюсь, посмотрю, что там. Ты пойдешь? – Таня мотнула головой. – Ладно, сиди тогда здесь, никуда не уходи, ладно? – Таня кивнула, окончательно потеряв дар речи от того, что Жора даже не поздоровался с ее соседкой по скамейке, но, казалось, он в упор ее не видел.

Легкой походкой он направился к храму, все снова затихло. Татьяна слышала, как весело журчит вода в фонтане, перебирая солнечных зайчиков, как чирикают воробьи и воркуют голуби, как ветер шуршит зелеными толстыми листьями.

– Как тебя зовут?

Девочка ответила не сразу, она была очень увлечена своим занятием.

– Ксенией меня звать, – не поднимая головы, ответила девочка.

– Ты здесь живешь?

– Да. В Петербурге уж много лет живу.

«Странно, – подумала Таня. – Девочка на вид меня младше, а говорит, как наши бабушки. Что за манера?»

– Что читаешь? – ни с того ни с сего спросила Ксения.

Такого вопроса Татьяна не ожидала и ответила с запинкой:

– «Анну Каренину». Пытаюсь читать...

– Ах, поезда... Видала я ее, все еще плачет.

«Еще страннее, – подумала Таня. – Может, издевается девочка?»

– Как же ты ее видала, если она книжный персонаж?

Ксения все крошила булку, воробьишки залетали ей прямо на руки, садились на платок и радостно чирикали.

– А в Петербурге всем место есть, и тем, кто на страницах, тоже. Всяк жив здесь, – сказала Ксения.

Тонкие пальчики перебирали крошки. Таня так внимательно смотрела за ее движениями, что не заметила, как на коленях у Ксении появилась серая кошка. Маленький клубочек лежал на юбке и мурчал, да так громко, так сладко. Ксения погладила котейку, но продолжила крошить булку, словно это было очень важно.

– А я за всех вас кормлю, – отвечая на Танин немой вопрос, произнесла девочка. – Кто в Петербурге птичек кормит, тот долго жить будет.

Таня смотрела как завороженная на падающие крошки,

и ей казалось, что все вокруг покрылось серым, полупрозрачным туманом. Солнышко ненадолго спряталось, а в воздух пришла милая сердцу прохлада. Еще Тане казалось, что она видит набережные и корабли, много воды и чаек, высокий золотой шпиль, устремившийся прямо в небесный городской океан. Она видела высокого мужчину с прямой спиной и усами, смотрящего на дома и корабли. Девочке представились кареты, дамы в широких платьях с веерами и джентльмены в костюмах. Но картинка менялась, и она увидела страшное: окопы и голод, людей, которые тащат воду, добытую из проруби, маленьких босых детей зимой на улице, замотанных в серые рваные тряпки, не спасающие от холода. Целые стаи огромных жирных крыс сновали по улицам и уносили бессильные тела в темноту. Таня видела смерть и подвиги простых, не сдавшихся людей.

Перед девочкой пронеслись множество домов, в той веренице серого камня она видела, как люди берегли книги, оставались работать в учебных заведениях, прятали зверей в зоопарке, боролись за каждое семечко в ботаническом саду. Они писали картины в академии художеств, а радио продолжало говорить. Горячие слезы потекли по щекам Тани, а потом ушли в окутавший ее туман.

– На, покушай.

Таня очнулась и увидела перед собой пять горячих, посыпанных белой пудрой пышек. Рядом стоял стаканчик кофе со сгущенным молоком. Все стало как прежде: садик, фон-

тан и лето. Ее новая знакомая засобиралась. От булки ничего не осталось, Ксения отряхнула руки и зашелестела юбкой.

Таня не могла очнуться от увиденного и все еще плавала наяву, словно во сне. Она смотрела, как Ксения собрала серый мешочек, встала и пошла в сторону церкви.

– Как тебя можно будет найти? Может быть, ты в соцсетях есть, скажи полностью свое имя. Я буду искать.

– Ксения Петербургская меня зовут, а искать меня не надо, коли захочешь увидиться, я всегда здесь, в городе.

Девочка накинула поверх зеленого платица красную кофту, и только сейчас Таня заметила, что ее новая знакомая была совершенно босая. Серенькая кошка пошла за ней следом. Таня что-то хотела сказать, но тут появился веселый и румяный Жора. Сон стал уходить.

– Ну, как тебе тут? Быстро я, да? Пять минут и обратно! Мухой! – его жизнерадостный голос возвращал Таню на землю.

– Как же пять минут, полдня прошло, – сказала Таня, ей и вправду казалось, что прошло как минимум полдня, а то и несколько лет.

– Да ну тебя, Танюха, на часы посмотри. Я с одного этажа на второй вприпрыжку проскакал и к тебе! А это еще что?

Они усаживались на пышки – все еще горячие и такие красивые. Парочку они с Жориком на скамейке съели, а остальные Таня ставила для родителей. Правда, когда они вернулись, все обрадовались и стали говорить еще громче. А

потом домой собирались, кого-то тащили. Таня положила пышки в салфетки, салфетки – в пакетик, а пакетик – в сумку. И забыла про них.

Назад ехали уже под вечер, постояли немножко в пробках. А Жора, никому не сказав, повез их в «то место», которое обещал Татьяне. Никто толком город не знал и за дорогой не следил, так что и объясняться не пришлось.

То место – это Московский вокзал, был он в свое время и Николаевским, и Октябрьским. Таня вычитала в интернете (хотя Толстой конкретных адресов не указывал), что Анна именно сюда приезжала и с Вронским здесь виделась. Девочке хотелось увидеть место, о котором она читала. Конечно, она посмотрела фотографии в интернете и понимала, что ее не ждут паровозы и дамы в шляпках. И все же.

Вокзал оказался большим, с красивой башней посередине. В свете вечерних фонарей скрылись набитые мусорки, а усталые лица прохожих смазались. Взявшись с Жоркой за руки, они вошли внутрь, прошли контроль. Внутри это было обычное современное помещение – с кучей ларьков, кофеен и электронным табло. Посередине возвышался памятник Петру Великому.

Они двинулись к перрону, обновленные поезда ездили туда-сюда. Таня прошла чуть дальше и посмотрела в самую даль, куда уходили рельсы, но ничего там не нашла. Только железные нити и немного тумана. Она вспоминала Анну, ее любовь и отчаянье. Девочка застыла на какое-то время,

в надежде что-то почувствовать. Сразу, как она начала читать роман, ей захотелось побывать в Петербурге и пройтись по тем местам, о которых было написано. Люди шли, время шло, стало немного зябко, а девочка все смотрела вдаль. Ей стало казаться, что она видит счастливую пару влюбленных. Они танцевали, кружились и смеялись, широкий подол платья летел, рассеивая серую мглу. Но они были там, в своем времени. Навсегда застывшие воспоминания теперь отчасти принадлежали Тане. Она подумала, что обязательно вернется в Петербург еще раз.

– Всему свое время, и каждый будет там, где будет, – решила девочка.

Иногда лучше оставить прошлое в покое, на страницах любимых книг. Всем есть место в Петербурге, он хранит наши тайны веками. Пусть меняются времена, декорации, внешний вид зданий, пусть современность берет свое. И все же прошлое всегда с нами, оно клубится в небе, течет в воде, витает в воздухе. Мы можем лишь сделать выводы и отпустить его, чтобы начать новый день и новые истории.

Таня смотрела вдаль, хлюпнула носом, и ей очень захотелось домой: к маме, к папе и веселой собачонке, которая ждала их у самых ворот. Она рывком повернулась, перед ней стоял улыбающейся, веселый Жора, и они двинулись в сторону автобуса. Позади остались рельсы, по ним стучали колеса.

Нормально

*Нормально – слыть дерьмовою дочуркой,
Нормально – сыном так себе бывать,
Нормально – другом быть и быть придурком,
Нормально – просто горько тосковать.*

*Нормально – в почках накопить камней,
Нормально – в школе при училке ссаться,
Нормально – просто не любить детей,
Нормально – их любить и не бояться.*

*Нормально – просыпаться по утрам,
Нормально – все проспять и не грузиться,
Нормально – кофе пить, а можно и не пить,
Нормально – иногда вина нажраться.*

*Нормально – не любить гулять,
Нормально – постоянно где-то шляться.
Нормально – человеку уступать,
Нормально – человеку улыбаться.*

*Нормально – быть в компании душой,
Нормально – иногда в себе замкнуться,
Нормально – быть с собой одной,
Нормально – одиночества коснуться.*

*Нормально – иногда поесть фастфуд,
Нормально – очень правильно питаться,
Нормально – быть унылым и быть «гуд»,
Нормально – сильным быть и вдруг сломаться.*

*Нормально – полюбить и не простить,
Нормально – маму целовать с порога,
Нормально – хоть и грустно – отпустить.
Нормально – верить и не верить в Бога.*

*Нормально – за душой иметь копье,
Нормально – заработать миллионы,
Нормально – если на тебе рванье,
Нормально – покупать себе тампоны.*

*Нормально – если ты уже расцвел,
Нормально – если ты еще ребенок,
Нормально – если ненавидишь пчел,
Нормально – даже если ты подонок.*

*Нормально – если ты закроешь дверь,
Нормально – если вдруг никто не ждет,
Нормально – если за окном метель,
Нормально – если кто-то нам совет.*

Нормально – жизнь прожить и не прослыть героем,
Нормально – если кто-то вдруг ушел,
Нормально – быть в компании изгоем,
Нормально – если смысла не нашел.

Нормально – все носки кидать по дому,
Нормально – собираться впопыхах,
Нормально – стать кому-то добрым словом,
Нормально – развалиться, превратиться в прах.

Нормально – полюбить и быть с другой,
Нормально – полюбить и быть с другим,
Нормально – говорить про паранойю,
Нормально – затаить и не простить.

Нормально – ковыряться в огороде,
Нормально – прогулять и просидеть штаны,
Нормально – быть с одним, с самим собою,
Нормально – каждый день писать посты.

Нормально – никогда не сомневаться,
Нормально – не иметь высоких должностей,
Нормально – на работе облажаться,
Нормально – быть опорой для детей.

Нормально – не купить себе айфона,

*Нормально – книжный шкаф не открывать,
Нормально – пробежать два марафона,
Нормально – кулаки свои разжать.*

*Нормально – прорыдать всю ночь в подушку,
Нормально – заглянуть беде в лицо,
Нормально – на хер слать свою подружку,
Нормально – если снял с руки кольцо.*

*Нормально – в пабе спать за барной стойкой,
Нормально – быть своим и стать чужим,
Нормально – если ты не очень стойкий,
Нормально абсолютно – быть простым.*

*Нормально – не любить аэропорты,
Нормально – срать в общественных местах,
Нормально – если вдруг порвались боты,
Нормально – постоянно быть в долгах.*

*Нормально – если вдруг война, а ты уставший,
Нормально – пробежаться поутру,
Нормально – если назовут пропащим,
Нормально – не хватать с небес звезду.*

Один день

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Не желаете просветиться? Только сегодня и только сейчас две аффирмации по цене одной. Наполняет мысли идеями, разгоняет тучи над головой, очищает кишечник. Аффирмация заменит вам друзей и подарит невиданное наслаждение, вы осознаете свою важность и возьмете контроль над собственной жизнью! Ничто так вас не поддержит в сложной ситуации, как аффирмация. Вот, держите, покупайте, давайте-давайте! Я могу сплясать и воткнуть вам в задницу благовоние! Так вы будете раздражать окружающих с особой ноткой сарказма! Мол, у меня даже дым из задницы приятно пахнет! Подумайте, это уникальное предложение. Можно сказать, предложение всей вашей дурацкой и бессмысленной жизни! Просветитесь, именно тогда ваша жизнь изменится!

– Спасибо, но мне надоело. У вас, кстати, благовоние уже почти потухло, воткните новое.

– Непросветленный хам!

– Всего доброго.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Не желаете приобрести масочку для лица? Вы опухший, усталый человечик средних лет! Мешки под глазами. Явно машина слишком дорога в обслуживании и вашей вишивой

зарплаты не хватает, поэтому вы тащитесь в метро с другими упырями, чтобы доехать до убогой работы. Да? Ну ничего! Не расстраивайтесь! Ваших грошей хватит на нашу масочку. Вы, наверное, и в зеркало уже не смотрите, да? Я бы на вашем месте не смотрелась бы. На вас без слез не взглянешь, наверное, жена вам потихоньку изменяет с тренером по фитнесу. А наша масочка и лишний жирок на вашем убогом пузике уберет! Посмотрите на себя внимательно: морщинки, складочки, неровные зубы, прыщи, торчащие волосы. Убожество, не иначе! Волосенки выпрямить да покрасить, реснички нарастить, тут подмазать. А это что? А, тьфу! Ваш возраст меня напугал, сорри. Ситуация, конечно, безнадежная, сами видите. Но наша масочка – единственное, что сможет вам помочь. Это точно. Знаете, как вам повезло! Это предложение всей вашей некрасивой жизни!

– Спасибо, но мне надоело. У вас, кстати, ус отклеился.

– Говорю же! Без масочки – урод уродом.

– Всего доброго.

– Добрый день!

– Здравствуйте.

– Не желаешь заработать? Поднять бабла на бизнесе? Тут такая тема: тебе надо немножко денег мне отсыпать, сечешь? Ты подсобери бабки: квартиру или палатку, что там у тебя есть, заложки, детей продай, жену можно сдать

*в аренду. Реальный вариант, завтра миллионы лопатой гре-
сти будешь! На работе-то начальник – беспонтовый муда-
к, это сразу видно! Завален ты работой, чувак, но самое не
хочу, а я тебе реальный шанс предлагаю! Что там ловить
в офисе или на блядском заводе? Коллеги явно бесперспек-
тивные, только на кредитах и живут. А ты-то умный, всю
систему прогнешь! Жить сразу за границу укачишь! Бабу
свою старую бросишь и будешь как сыр в масле кататься!
Ты слышишь, что я говорю? Шанс всей жизни не профукай!
А то видно по тебе, что ты ноль без палочки. А тут реаль-
ным пацаном станешь!*

*– Спасибо, но мне надоело. Сигареты не будет? Курить
захотелось.*

– Ты что, братан, сам стреляю!

– Всего доброго.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

*– Не желаете новости услышать? Вчера человек пукнул
в одном углу, а в другом, вы только представьте, обосрался!
Мы у него интервью взяли, а он говорит, что в стране все
плохо, дороги разбитые, дураки за рулем. А мы ему: так что
насчет вашего пуга, уважаемый? Мы слыхали, вы прямо на
весь район прославились! Еще и разводиться надумали! А он
знай про повышение цен на бензин и жрачку затирает! А мы
все на мозоль давим, профессионалы ведь! Мол, про цены –*

все понятно, неинтересно давно, а вот пердеж – очень даже новость! Слыхали мы, что воняло даже на самых окраинах! А он дурак: детей дорого в школу собирать, учебники да форма, а потом еще и в институт на бюджет не поступят. От темы отходил, как мог, паршивец! Но мы-то с вами знаем, что на самом деле важно! Мы его еще поковыряли, а он все про какие-то глупости говорил: лекарства для мамы дорогие, еще какую-то муру. Мы тогда его послали подальше и сами все придумали! Какие мы молодцы, верно? Не упустите шанс почитать наши новости!

– Спасибо, но мне надоело. Может, о литературе поговорим? Я, например, недавно Бажова детям на ночь читал, такой сказ интересный.

– Вы что, совсем? Это ж прошлый век, кому интересно эту пыль поднимать? Вот люди, совсем дураками стали, в трендах не секут!

– Всего доброго.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Не желаете ли что-то прикупить? Покупать очень важно, знаете ли. Вот вы встали ни с той ноги, работа, дети, что там еще бесполезного – жизнь всякая. А мы – тут как тут! Всего у нас много, залипните на часок-другой. Смотрите – батут! Или, например, диплом о высшем образовании. Или курсы по психологии – вам явно не помешают!

Велосипед, мопед, скейтборд, будильник, уютюг, косметика, ноутбук – возьмите три штуки в рассрочку! Нормальное предложение! Наушники, телогрейка, вычислительная техника, космические энергии, прана, расклады Таро. Возьмите, не пожалеете! Фильмы, игры, сериалы, статьи, только отвлекитесь от вашей убогой реальности! Кому она нужна? Фу! А у нас тут – курсы массажа, курсы изучения языка, курсы расчета длины кишечника, курсы полета на Луну, курсы от усталости, курсы для привлечения денег, курсы для привлечения счастья, курсы, как правильно унижить соседей и коллег, курсы правильной жизни и питания, курсы плетения позитивных вибраций! Курсы промывки мозгов и голосовых связок! Только сегодня, успеете записаться! Нарисуйте картину маслом, овладейте ораторским искусством! Сходите в баню, в конце концов, а потом на курсы банщиков! Купите, а то нам не заработать! Это предложение всей вашей скучной жизни!

– Спасибо, но мне надоело.

– Но вы ничего не поняли! У нас еще носочки по акции!

– Всего доброго.